

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

М.Ю. Сибирева

Рецензия на книгу: Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. — 432 с.

Приуроченная к 90-летней годовщине Октябрьской социалистической революции, в 2007 г. вышла книга «Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность» под редакцией Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. В книге представлено собрание статей, целью которых является анализ практик социальной защиты того времени. Выход данной книги является своевременным, т.к. вопросы улучшения социальной сферы являются актуальными для России и в XXI в. История, а, главное, ее глубинная проработка могут подсказать порядок действий в сложных ситуациях и помочь не повторить ошибки прошлого: «...настал момент, когда пришла пора задуматься о советском времени, об истории советской эпохи, коммунистическом движении, уже с высоты наших дней. И, как знать, может быть, уже новые поколения, учась на ошибках прошлого, создадут новый мир...» (Sovetika.ru).

Социологам, историкам, обществоведам потребуется немало времени, чтобы детально и объективно исследовать послеоктябрьский период развития общества, выявить ошибки и искажения, допускаявшиеся на тех или иных этапах, а также их глубинные корни, объективные и субъективные факторы. Недостаточно сказать, что исторический путь вел «не туда», надо ответить, куда он вел, в какую сторону двигалось общество, какой социальный строй в нем формировался (Заславская 1989: 217–219).

В 20–30-х г. XX в. в истории СССР произошел большой прорыв в социальной политике, в основе которой лежали положительные идеи реформирования. Основная идея социализма заключалась в том, чтобы граждане работали на благо общества, которое в свою очередь обеспечивает каждому должный уровень благосостояния, социальной гарантированности и защищенности. Социальное обеспечение, здравоохранение, образование, широкий диапазон общественных услуг предоставляются всем одинаково бес-

платно, в соответствии с основополагающим социалистическим принципом равенства (Пияшева 1989: 264–265). Это идеальная модель социализма, по которой так часто ностальгируют представители старшего поколения. Главное противоречие того времени — противоречие между пропагандируемой политикой и реальным положением вещей, расхождение провозглашаемых лозунгов и реальности. Но может ли экономически бедное и отсталое общество стать в одиночку социально развитым? Весь вопрос заключается в схеме реализации законов, реформ, осуществлении пропагандируемой социальной политики.

Современная критика советского периода часто связана с непониманием того, как получилось, что в столь богатом, сильном государстве всегда хронически не хватает жилья, продовольствия, мест в детских садах, большая часть населения находится за чертой бедности и т.п. Немаловажным в решении этой задачи представляется критический анализ истории 1920–30-х гг., предоставленный нам в рецензируемой книге. В ее трех разделах «Мы наш, новый мир построим...», «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке?», «Мы бьемся за наших детей, за будущность нашего класса» рассматриваются различные аспекты жизни советского человека через призму направлений социальной политики и ее результатов. Феноменологический подход, с позиций которого она написана, является одним из наиболее интересных в современной социологии. Задача социолога — выяснить, как рядовой человек объясняет себе и другим свое поведение, выбор того или иного поступка, шага в общении с окружающими его людьми, каковы привычные в этом обществе нормы работы, отдыха, питания, воспитания детей, семейных и любовных отношений. Таким образом, «социальное познание, по сути, повторяет подвиг биологов, расшифровавших геном человека, т.е. восстанавливает исходную матрицу современной культуры, архетипы ежедневного поведения людей этого мира» (Касавин 2003).

Соединение практик повседневной жизни рисует целостный образ эпохи, дает возможность понять мир политики, экономики, искусства, масс-медиа и общественной жизни. Каждый из обитателей этого мира воспринимает его по-своему, в повседневной жизни раскрывается истинное отношение людей к существующему порядку. Примеры из жизни обычных людей, видение сторон жизни (отношения между полами, мораль и нравственность, и т.п.), о которых обычно умалчивают в учебниках или говорят сухо и мало, представляют молодым людям, которые познакомятся с данной книгой, картину советского быта того времени.

Вызывает восхищение работа авторов по анализу документов, материалов газет, плакатов, фотографий, сценариев пьес 1920–30-х гг., которые проливают свет на мало изученные дотоле аспекты деятельности советского государства в области социальной политики. Огромная архивная работа компенсировала нехватку данных официальной статистики: за описываемое время не проводилось обширных исследований, охватывающих все слои общества. Лишенные возможности оперировать большими статистическими массивами, современные социологи вынуждены опираться либо на общеизвестные

сведения того периода, либо на результаты отдельных выборочных исследований. Почти все статьи проиллюстрированы плакатами, архивными фото, схемами, планами и т.д., что придает особый колорит их содержанию. Дух эпохи того времени отражает и использованный в оформлении обложки плакат А.И. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина — строй социализм!», и архивное фото «На стадионе «Динамо» в Москве во время физкультурного парада И.Сталин и В. Молотов принимают цветы от детей».

В первом разделе книги «Мы наш, мы новый мир построим...» рассматриваются практики существовавшей в 1920–30-е гг. социальной политики. В работах представлен подробный обзор социального развития действительности, которая носила противоречивый характер. С одной стороны, реформы 1917–1921 гг., развитие страны в условиях НЭПа, индустриализация и реализация планов первых пятилеток изменили структуру общества, вызвали к жизни новые формы социальной реальности: принимаются срочные меры по ликвидации неграмотности, распространению социальных навыков, особенно среди крестьянства, пришедшего в город, создаются фонды страхования, воплощаются в жизнь социалистический проект жилой среды, преобразуется система общественного питания, получают поддержку здравоохранение, детские сады и ясли, реформируется институт семьи. С другой стороны, «дисциплинарное воздействие» государства пронизывает почти все сферы человеческой жизни. Данный раздел интересен критическим рассмотрением социальной политики СССР: создается ощущение, что авторы большое внимание уделяют негативным проявлениям действий властей, многое, что произошло, анализируется в связи с начинающимся правлением Сталина. Наиболее актуальной является работа Н. Лебиной, П. Романова, Е. Ярской-Смирновой «Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е годы». Исследования, показывающие реализацию советской социальной политики в конкретных областях Советской России, помогают более подробно представить и оценить 1920–1930-е гг. (А. Шамигулов. «“Взять все, да и поделить...” Война и мир в организации социальной помощи городскому населению в первые годы советской власти (по материалам Казанской губернии)»; С. Тулаева. «Забота о героях лесного фронта: труд и социальная политика лесопромышленных предприятий Коми в 1930-е годы»; А. Морозов. «“За бортом труда”: повседневная жизнь 1920-х годов глазами казанских безработных»). Представляются значимыми планы соцгородов, приведенные в статье М. Мееровича «Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы». Их создание власть планировала с целью наилучшего управления населением: строго определенные типы жилищ, конкретные объекты обслуживания, фиксированный состав населения, — все это было призвано улучшить производственную сферу и помочь укоренению контроля власти. Читателю также любопытно узнать мнение иностранного автора Б. Мэдисон «Достоинства и проблемы советских учреждений социального обеспечения», где высказывается мнение о достоинствах и недостатках советской социальной защиты.

Второй раздел «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке?» касается влияния существовавшего строя на личную жизнь людей. Попытка государства контролировать вопросы морали и нравственности, брака, сексуальных отношений рассматриваются с позиций не только простых людей, но и в переписке В.И. Ленина, А.М. Коллонтай, работах А.В. Луначарского, статьях Н.И. Бухарина и других (статья А. Пушкарева и Н. Пушкаревой «Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос»»). Советская социальная идеология в отношении института семьи всегда была ограниченной, не носила системного характера, строилась на основе идеологии равенства (классового и полового) и отрицания буржуазных форм брака и семьи (Рабжаева 2003). Советское государство оставляло за собой весьма значительную сферу прямого и активного вмешательства в семейные отношения. Оно отвергало взгляд на отношения между полами как на отношения индивидуалистические, личные, нейтральные для общества и государства, что вызывает негативные эмоции у современного человека. Но не стоит упускать из вида, что в то же время было узаконено формальное равенство женщин и мужчин во всех сферах жизни: по обеспечению равного доступа к работе, образованию, социальным услугам и благам. Россия была первой страной, в которой начала проводиться направленная социальная политика по созданию условий для реализации равных прав и равных возможностей для женщин. «Благодаря такой политике государства в СССР на практике была создана одна из самых первых в мире эмансипаторских, в отношении женщин и детей, систем социального обеспечения» (Там же).

Свежий взгляд на образы девушек (крестьянки и комсомолки) присутствует в статьях В. Боннелл «Крестьянка в политическом искусстве сталинской эпохи» и Мэлли Л. «Играя новую женщину: комсомолка как актриса и сценический образ в советском молодежном театре». Особая роль в первом случае отводится анализу плакатов, а во втором — анализу сценариев постановок, что является оригинальным способом исследования. Образ женщины в культуре, искусстве в 20–30-е гг. XX в. позволяет не только раскрыть содержание «женской политики» в эти годы, но и может быть критически использован как опыт (положительный и негативный) в работе с женской частью общества на современном этапе.

Книга будет любопытна исследователям гендерных отношений, т.к. дает достаточно четкое представление об отношениях между полами, положении женщин, формировании семьи, проблемах воспитания детей. Этому посвящены статьи Н. Лебиной «“Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...” Абортная политика как зеркало советской социальной заботы», Ю. Градской «Культурность, гигиена и гендер: советизация “материнства” в России в 1920–1930-е гг.», Ю. Морозова «“Или возьмем, наконец, культуру...” Просвещение женщин Немецкой автономии как элемент социальной политики, 1920–30-е годы» и другие.

Последний раздел книги «Мы бьемся за наших детей, за будущее нашего класса» показывает, что любые последствия каких-либо разрушающих

событий в стране прежде всего сказываются на самой незащищенной категории населения — детях. Достаточно большое внимание уделяется советским государством принципам воспитания — принципам, важным для создания советского человека. Именно в 1920–30-е гг. дети становятся предметом заботы власти. В работе О. Бендиной «“Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!” Дискурсы жестокого обращения с детьми в 1920–30-е годы (на материалах Саратовской губернии)» подтверждается мысль о том, что голод, гражданская война заставили страдать самых маленьких. Появление плакатов о запрете жестокого обращения с детьми, общества «Друг детей» говорят о первых попытках борьбы с жестоким обращением с детьми. Рассматривает первые попытки изменения ситуации в отношении детей и сопутствующие ошибки Т. Смирнова в статье «“Отправлять детей физически здоровых, умственно развитых и морально безупречных...” Эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год». Последняя работа рассматриваемого раздела, написанная Г. Амалиевой «“Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...” Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е гг.», рассказывает о всеобщей возможности поступить в университет и о начале эпохи сталинской социальной политики с чистками и т.п. В руководстве страной все более утверждались авторитарные подходы: главным фактором, определяющим политику Сталина и поддерживающих его лиц, становилось стремление генерального секретаря к установлению тоталитарной системы.

История нуждается в объективной оценке, которую не следует искусственно драматизировать или приукрашивать. Для осуществления глубоких комплексных реформ современному обществу необходимо знать об особенностях пройденного отрезка пути и иметь четкое представление о сущности данного этапа развития. В этом читателю, безусловно, поможет рецензируемая книга.

Литература

Заславская Т.И. Перестройка и социализм // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Ред.-сост. Ф.М. Бородкин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989.

Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Журнал «Социемы». 2003. № 9. (http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/sociemi.html)

Пияшева Л.И. Контуры радикальной социальной реформы // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Ред.-сост. Ф.М. Бородкин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989.

Рабжаева М.В. Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ // Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани / Сост. и ред. Н.А. Блохина. Рязань: Издательство «Поверенный», 2003. (<http://www.gendercent.ryazan.ru/school/rabzhaeva1.htm>)